

Юлия Резник

ГОРЯЧАЯ ЛИНИЯ

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р34

Резник, Ю.

Р34 Горячая линия / Ю. Резник. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 242 с.

ISBN 978-5-521-91881-2

Варя — психолог на горячей линии. В ее работе не так уж много правил, но она нарушает их все, когда влюбляется в клиента. Согласившись на личную встречу, она понимает, что Захар — мужчина ее мечты. Взрослый, напористый, властный. Их роман развивается с головокружительной скоростью. Только Варя все чаще кажется, что Захар совершенно не тот, за кого себя выдаёт.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91881-2

© Юлия Резник, текст, 2021
© Кристина Леола, обложка, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Глава 1

— Вы позвонили на горячую линию неотложной психологической помощи! Здравствуйте, — на одном дыхании выпалила Варя в трубку и, рухнув в потасканное кресло на колесиках, по инерции откатилась к окну. Телефон зазвонил неожиданно. Когда она вышла из кабинета, чтобы наполнить чайник. Возвращаться пришлось бегом. Вот почему она задыхалась.

Пока на том конце связи молчали, Варя открыла тумбочку. Достала чашку с нарисованным пингвином — подарок сменщицы на Новый год, пачку растворимого кофе — порошковую бурду сотрудники Центра покупали по очереди, согласно графику, закрепленному на доске объявлений. Потянулась к коробке сахара-рафинада, но в последний момент отдернула руку и решительно захлопнула дверцу. Она обещала себе сесть на диету еще с Нового года, да что-то все никак не получалось. Хотя на носу уже был День Влюбленных, который бы ей не пришлось встречать одной, если бы она выполнила данное себе обещание. Варя стала бы тонкой и грациозной, как звездные блоггерши из Инстаграма. И такой же, как они, популярной.

Впрочем, мама Вари утверждала, что худая лошадь — еще не газель. Так что это тоже не факт. Варя тяжело вздохнула. Молчание в трубке затягивалось.

— Чем я могу вам помочь?

Варя зачерпнула гранулы ложкой, высыпала в кружку и, подумав, добавила еще. Кофе от этого лучше, конечно, не станет, но, может, хоть сон перебьет. В середине ночи бороться с сонливостью тяжелее всего. За год работы Варя это уже усвоила.

И снова ответом ей — тишина. Которая в данном случае была вовсе не знаком согласия, а скорее лишним поводом для беспокойства. С людьми, идущими на контакт, работать было намного проще. А с молчунами прямо беда. Обычно это были доведённые до отчаяния своим одиночеством люди, которым требовалось не так уж и много. Просто побыть с кем-то. Пусть даже в тишине. В ней ощущение сопричастности проступало как будто бы ярче. Но иногда среди них попадались и самые проблемные, самые надломленные люди. Надо было очень постараться, чтобы не только их отличить от других, но и разговорить, и помочь как-то.

— Наша беседа абсолютно анонимная, — поспешила заметить Варя, вспомнив, что большинство звонящих опасаются как раз огласки.

— Ха! В этом мире ничего анонимного не осталось.

Только-только восстановившееся дыхание оборвалось. Снова. И для этого Варя даже не пришлось бежать через весь коридор. За время своей работы она слышала сотни голосов. Разных... женских и мужских, грубых, дребезжащих от возраста и совсем детских. Каждый раз Варя вслушивалась в них очень внимательно, ведь это был единственный способ понять, в каком состоянии находится её клиент. А значит, единственный способ выстроить с ним правильную коммуникацию. Выбрать единственно верный тон.

4 Это у психологов, ведущих «живой» прием, в арсенале

полным-полно других инструментов, а у нее — лишь один! Например, если голос собеседника был заторможенным, Варя сознательно ускоряла свой голос, заряжая того своей энергией. А если человек был излишне эмоционален и экспрессивен, Варя, напротив, говорила намеренно медленнее, чтобы того чуть притормозить. Но в этот раз... Голос подействовал на нее так, что она растерялась. И сориентировалась далеко не сразу.

Голос позвонившего был определенно мужской. И такой... царапающий, что ли? Будто мужчина на том конце связи простыл и еще не до конца оклемался. По спине Вари поползли мурашки.

— Почему вы так думаете? — она облизала пересохшие губы.

— Потому что я стою на крыше, а на меня смотрит, по меньшей мере, три камеры. Я посчитал.

Суицидник! Варя отбросила ложку и вскочила со стула, не в силах оставаться на месте. Зажала трубку плечом, установила злосчастный чайник на подставку и щелкнула кнопкой.

— Что вы делаете на крыше в такую погоду?

Слава богу, она здорово поднатаскалась за последний год. Научилась самоконтролю. Так что, когда Варя заговорила, её голос прозвучал достаточно спокойно. Ничто не выдавало ее нервозности.

— Да так. Вышел проветрить голову. А ты что подумала? Ик...

Еще и пьяный! Вот почему ей показалось, что речь мужчины будто смазана ластиком. Жаль, причину поняла не сразу. Ведь то, что суицидник пьян, было одновременно и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что пьяному проблемы зачастую кажутся намного более

серьезными, чем те есть на самом деле. Плохо — потому что дури человеку под мухой вообще не занимать.

— Ничего. Просто интересуюсь.

— Ага. Как бы не так. Решила, небось, что я сигать с крыши собрался?

— Нет, конечно. Ничего подобного.

— А что, — задумчиво протянул мужчина, — может, это и вариант...

Что же выходит? Это она его самоубиться надоумила? Хороший же из нее психолог! Варя отбросила толстую косу за спину:

— Ни в коем случае!

— Почему? Ик... От меня небось и не останется ничего. Сколько здесь этажей? Ик... — спросил мужчина. — Шестьдесят три? Или четыре? Расшибусь, как будто и не было. Черт, у парапета дует сильнее. И снег метет прямо в харю!

Интересно, насколько там высокие парапеты? А крыши на небоскребах чистят? Что, если он поскользнется и упадет? Где он вообще нашел небоскреб? В Сити? Разве там вот так запросто можно выйти на крышу? А как же техника безопасности? Варя зябко поежилась.

— Послушайте, думаю, вам лучше отойти от края.

— Зачем?

— Так вы ведь сами говорите, что дует. А вы и так, судя по голосу, серьёзно простужены.

— Да-а-а? Ик... не замечал! А вообще я с тех пор, как в том году утопился, простуживаюсь постоянно.

Ну, точно ведь суицидник! Но раз не утопился, и все еще жив, скорее, из тех, кто просто хочет обратить на себя внимание. Может, он и не на крыше вовсе. Им довольно часто звонят шутники.

— Давайте поговорим о том, что вас подтолкнуло к такому шагу. Но сначала отойдите от парапета. А лучше вообще вернитесь в тепло.

— Я еще не решил. Может, сейчас и прыгну.

— Нет-нет! Послушайте, вы не должны этого делать.

— Почему?

— Потому что жизнь стоит того, чтобы ее прожить. Вы уж простите за тавтологию.

— И все? Это твой единственный аргумент? Чему вас только учат... — голос мужчины прозвучал по-настоящему разочарованно.

— Учат нас многому, — в глубине души Варя обиделась, но виду, конечно, не подала.

— Ну, не знаю... Может, толковые специалисты просто не идут в психологи по телефону. Это даже звучит глупо.

— Уверяю вас, в нашем штате трудятся исключительно компетентные специалисты. У многих своя частная практика. И здесь они помогают на добровольных началах.

— И ты?

Вообще-то им запрещено было говорить о себе, но чего не сделаешь, чтобы удержать суицидника от расправы над собой? Варя налила кипятка в чашку.

— Нет. Я — штатный психолог. Но, поверьте, у меня тоже высокий уровень квалификации. И практикую я не только здесь.

— А где еще? Ик...

— Я не могу говорить об этом с клиентами. Это запрещено правилами.

— Ага. Надо полагать, анонимность у нас со всех сторон.

— Не в этом дело. Просто имели место некоторые ситуации. Вы сошли с крыши? — сменила тему Варя.

— И не подумаю! Здесь красиво. Под ногами огни города. Правда, сейчас не видно ни хрена. Из-за снега. А у вас идет снег?

— Еще какой! Давно такой метели не было.

— Так что там за причины?

— А?

— К чему вам конспирация?

Похоже, суицидник оставил идею убиться прямо сейчас. Варя чуть перевела дух. Вернулась за стол и, прикрыв глаза, откинулась на спинку кресла.

— Понимаете ли, некоторые клиенты попадают в зависимость от психолога. Так что для всех лучше сохранять дистанцию. Лучше скажите, как я могу к вам обращаться?

— Захар Иванович я.

— Послушайте, Захар Иванович...

— Что значит, попадают в зависимость? А если бы я к тебе на прием пришел?

— Это другое дело.

— И в чем же отличие? Сама ведь говоришь, что квалификация у тебя не хуже. Так что, я по телефону могу попасть в зависимость, а при личной встрече — нет? Что за идиотские правила! И, кстати, ты не представлялась.

— Можете звать меня Ольгой.

— А как тебя зовут на самом деле?

Ну, надо же. Пьяный-пьяный, а все равно как-то просек, что у них принято представляться вымышленными именами.

— Ольга.

— А если я захочу с тобой еще раз поговорить? — в трубке послышалось странное шипение, будто мужчина затянулся сигаретой. — Мне нужно будет попросить пригласить к телефону Ольгу?

— Нет. С вами поговорит тот специалист, что в данный момент свободен.

— То есть как это? А если у меня с тобой... — снова шипение, — образовалась доверительная связь? Если только ты способна удержать меня от последнего шага. Ух ты ж черт! Как же скользко. Ну, чуть не загремел, представляешь?

Варя вжалась пальцами в расшатанный подлокотник. Сердце подпрыгнуло к горлу.

— Послушайте, Захар Иванович... — Имя какое красивое! Сильное. Основательное какое-то. Хотя и немодное. И голос, вот ведь... даже голос под стать.

— Ну, чего замолчала?

— Пожалуйста, вы же не хотите умереть в самом деле.

— С чего ты это взяла?

— Считайте это профессиональной интуицией. Так вот, пожалуйста, вернитесь в тепло, пока не случилось несчастного случая. Потому что все можно поправить. Кроме непоправимого. Понимаете? Все еще можно поправить.

— Ты мне еще скажи, что после черной полосы непременно последует белая. Банальщина какая! Тьфу!

— А с крыши прыгать? Не банальщина? Топиться...

— Ну, это я маху дал. Нажрался с мужиками в ночлежке, и дернул черт!

— Но что-то же вас все-таки остановило?

— Не что-то. А кто-то. Аленка... дурында, прыгнула в воду.

— Так у вас несчастная любовь, что ли?

— С кем?

Паузы между репликами стали длиннее, как будто мужчине с каждым разом требовалось все больше времени на ответ.

— Так ведь с Аленой этой.

— Какой Аленой?

— Той, что вас спасла!

— Да нет, она замужем за главным в ночлежке, — мужчина сладко зевнул. Варя перевела взгляд на часы. Они проговорили без малого полчаса. Но она так толком и не смогла его вывести на откровенность.

— Что за ночлежка? Вы второй раз о ней упоминаете.

— Так ведь ночлежка для бомжей. А что, бывают какие-то другие?

— Даже не знаю.

В трубке что-то щелкнуло, послышались веселые голоса и смех. Похоже, в ночлежках для бомжей было довольно нескучно.

— Хм, похоже, мы с тобой долго болтаем...

— Уже полчаса.

— Тогда я, наверное, отключусь. А то вдруг кто-то и впрямь убиться решит, а ты на меня свое время впустую тратишь.

— Почему же сразу впустую? Вы, вон, кажется, еще живы.

— Да не собирался я никуда прыгать! А если бы решил — то сделал бы то, что задумал. И никуда бы не стал звонить.

— Но почему-то все-таки позвонили?

— Нашло что-то. Сам не знаю, — мужчина вздохнул.